

Переводил лейбгвардии измайловскаго полку
полковой квартирмейстер Александр Павлов

О прямом разуме законов

Том 1 О прямом разуме законов

Книга первая О законах вообще

Глава 1 О законах, в сходстве, которое они имеют с разными существами

Законы, в пространнейшем разуме, суть необходимые сходства происходящих от свойства самага вещей; в таком разуме все существа имеют свои законы, вещественный мир имеет свои законы, и человек имеет свои законы, духи превышающие человека имеют свои законы, скоты имеют свои законы.

Те которые говорили, что бутто слепой случай все вещи видимые в свете произвёл, говорили весьма неразумно; потому что какое может быть большее заблуждение, как приписывать слепому случаю произведение разумных тварей.

Следственно есть некоторая первенствующая причина: а законы суть сходства, находящаяся между оной причиною и разными сущими, и также сходства сих разных сущих между ими.

Бог имеет сходство с светом как создатель и хранитель: законы по которым он его сотворил, суть те по которым он его сохраняет. Он действует по оным правилам, потому что он их знает, знает для того что он их создал; создал для того что они имеют сходство с его премудростию и его могуществом.

Как мы видим, что свет составленный чрез движение вещества и лишенный разума всегда пребывает, то должно чтобы движения его имели непрменные законы; и если бы можно было вообразить другой свет кроме сего, то также надлежит и ему иметь законы постоянные, в противном случае он бы подвержен был истреблению.

Таким образом, создание, которое кажется есть действие самоизвольное предлагает правила также непрменные, как ненарошной случай Атеистов. Весьма бы неправо было такое доказательство, которое б утверждало что Творец без сих правил, мог управлять светом; ибо свет без них не мог бы иметь своего пребывания.

Сии правила суть схождения неподвижно установленныя. Между двумя движимыми телами, то есть поколику от сходов величины тела и скорости все движения происходят, умножаются, убавляются, превращаются, каждое различие есть подобие, каждая перемена есть постоянство.

Сущие особенно разумныя могут иметь законы, которые они установили; но притом имеют и такие, которые не ими установлены. Прежде бытия существ разумных, они были возможны; следовательно имели схождения возможные, также и законы возможные. Прежде нежели законы были установлены, схождения справедливости были возможны. Если кто скажет что нет ничего справедливаго ни же несправливаго, кроме того что предписывается или запрещается положительными законами, то равно еслиб кто сказал, что прежде описания круга все радиусы небыли между собою равны.

Итак надлежит утвердить, что схождения справедливости имеют первенство перед положительнейшим законом, от которого они установлены, как, например, положим, что еслиб кто пришёл в сообщество людей, то справедливо бы должен был поступать применяясь к их законам; так равно еслибы разумные твари получивши какое благодеяние от другога сущаго должны иметь к нему благодарность; что ежели бы одно разумное сущее произвело сущее разумное другое, чтобы созданное должно было

остатка зависимым от того, которое служило ему началом, как существо разумное, причинившее зло существу разумному заслуживает получить и само равномерное зло; и так далее.

Но необходимо надлежит чтобы свет разумной был управляем так же благоразумно, как мир физический? Потому что хотя первый имеет свои законы, которые по своему свойству суть непременные, однако он не следует им так постоянно как мир физический следует своим. Причиною сему то, что сущия особенные и разумные суть ограничаны чрез самое свое свойство; и следовательно подвержены заблуждению; а с другой стороны от самага своего свойства действуют сами собою. Итак они не следуют постоянно своим первоначальным законам, но и по самым тем, которые сами учреждают не всегда точно поступают.

Неизвестно по общим ли законам движения управляются бессловесные скоты и все животные, или некоторое особенное побуждение ими управляет. Но как бы то ни было, они не имеют особеннейшаго сходства с Богом, как и все бытия вещественного Мира, и что чувство им служит токмо в подобии, которое они между собой или сами с собой имеют.

Чрез привлечение удовольствия самим себе они, особенное свое бытие сохраняю, и чрез то самое род свой сохраняют. Они имеют законы естественные, потому что они чрез чувство соединены; положительных законов они не имеют, потому что они несоединены чрез познание. Они иногда не следуют постоянно естественным своим законам; травы, в которых мы ни познания, ни чувств не примечаем, / лучше/, больше своим естественным законам следуют.

Бессловесныя животные не имеют тех высоких дарований, которые мы имеем. Они не имеют счастья, надежд, которые мы имеем; но они лишены страха, которой нами владеет. Они подвержены смерти равно как и мы, но так что они ее не познают; многие из них сохраняют себя лучше нежели мы и не употребляют столько во зло своих страстей, сколько мы.

Человек как существо физическое управляется непременными законами, равно как и другие тела. Человек как существо разумное, беспрестанно нарушает законы от бога установленныя, и перемняет самые те, которые он сам установил: надлежит чтобы он сам себя управлял, однако он есть ограниченное существо, он подвержен незнанию и заблуждению, как все конечные разумы; сколь ни слабыя имеет он познания но и тех лишается. Как одаренное

чувством бытия, то подвержен множеству страстей. Такое существо могло бы всегда забывать своего создателя, но бог приводит его в себя законами веры. Такое существо может часто позабывать и самого себя. Философы научают его познанию себя посредством нравоучения; итак он создан для сожития в сообществе, и может позабыть другие; законодатель приводит его к своей должности законами политики и гражданства.

<...>

Шнейдер Я.И.

**РАССУЖДЕНИЯ
на
МОНТЕСКИЕВУ КНИГУ
О
РАЗУМЕ ЗАКОНОВ,
или**

**Уроки всеобщей юриспруденции,
преподаваемые в Императорском
Московском университете.**

Изданием Н. Новикова и Компании.
В Москве,
в Университетской Типографии у Н. Новикова¹,
1782 года.

Рассуждение I. Об истории законодательства

Если бы возможно было дать полную историю законодательства, то она бы точно составила историю человека. Он, выходя из рук природы, был способен жить во всяком климате и дать бесчисленное множество образований своей жизни. Если действие солнца изображается на лице каждого, где кто живёт, то законы и обыкновения, ограничивающие нравы жителей столько же ясные в них делают впечатления. И как такая история показала бы нам всё влияние законов на наше бытие, все различия перемен, происходивших с человеком, чрез которые он мало-помалу привык к домостроительству, наполнил душу свою познаниями и предрассуждениями, открыл в сердце своё вход порокам и добродетелям, которые родились в благоустроенных обществах, то она бы нас, не касаясь правил, по которым какое общество управляется, научила познать правление, обычай и характер народа, из простых черт его физиогномии с такой же верностью, с какой искусный натуралист познаёт образ жизни животного, посмотрев только на его зубы.

Всякий человек, живший в великих городах, в которые люди из всех стран собираются, легко различит их не только по цвету лица, который зависит от климата, но и по различным чертам физиогномии, поступкам, изображающим свойства и движения души. Немного таких, которые с посредственным знанием света не различают с первого взгляда немца от француза, англичанина от голландца, испанца от итальянца, шведа от турка и пр. Если сии черты лица не переменны были в одном и том же народе, то можно было их приписать влиянию климата, или лучше принять за свойственные ещё народу, но они переменяются вместе с законами и нравами. И так должно, чтобы от них зависели.

Такая история составила бы пространное сочинение, но просвещение века не позволяет нам ещё сего надеяться. Я доволен буду тем, что покажу некоторые вещи, которые, может быть, составят эпохи оной.

Когда человек получил права, то нужно было ему знать их, когда учредились правительства, на которые наложена была должность сохранять оные для всякого члена общества, тогда усмотрели нужду в изучении их, когда несчастья воспоследовали

от их несовершенства или недостатка, тогда начали помышлять об исправлении их. И так законодательство должно своим происхождением несовершенствам правления так, как медицина своим обязана болезням телесным. Но оно скрыто во тьме первых веков. История не сохранила нам имени первого философа, который тронут будучи несчастьями своего Отечества, первый старался истребить оные несовершенства в самом их источнике, который всегда в книге законов, а на место их поставить план законодательства, который бы в себе содержал не только хорошие законы, но чтобы имел и необманчивые средства, что всего труднее к исполнению их. Хотя столь великое и столь высокое первые мудрецы света имели понятие, хотя в том несколько веков трудились, однако исполнение осталось в таком несовершенстве, что может привести в удивление, если кто не знает, что хотя законы и подают все способы к сохранению благоденствия в обществах, но сии самые общества рождают в сердцах человеческих все страсти, которые скоро или медлительно разрушают и уничтожают преграды им противопологаемые. Чрез непрерывные разрушения общество привыкло к порядку и стройности. Государства, народы произошли один от другого, так как все нераздельные порознь с тем только различием, что в семействах природа места умерших заставляет вновь рождающимися, шествуя прямым и постоянным путём. Но в государствах общество нарушает сие узаконение по беспорядку, какой видеть можно, как в древних монархиях, которые находящиеся в младенчестве ещё истребляют республики, так в народах диких и грубых, поглощающих с помощью своих набегов множество держав.

Если человеческий род не получил рождения в прекрасных странах, орошаемых Индом и Гангом, то по крайней мере весьма вероятно, что люди прежде в них, нежели в других частях вселенной, соединились между собой.

Тёплый климат, плодоносные поля, не требующие почти никакого удобрения, земля, покрытая сладостнейшими плодами, чистый воздух, наполненный приятными запахами, которые вдыхают охоту и желание к умножению своего рода, заставили бродящих ещё везде людей сию землю предпочесть всем другим странам света в избрании себе постоянного и неременного пребывания. Да и действительно, как можно оставить без сожаления землю, где природа изливает щедро свои сокровища, где жизнь не что иное есть, как продолжительность наслаждений, получаемых

без всякого труда, где понятие бытия и блаженства между собою смешиваются? Древнейшие монументы нам свидетельствуют, что берега сих славных рек населены были многочисленными и благоустроенными народами в то ещё время, когда земля была нечто иное, как пространная пустыня, чрез которую только проходило, а не населяло несколько лихих орд. Начало художеств и знаний теряется в их истории; египтяне и греки от них научились чудесам, о которых известия хотя до нас дошли, однако же они больше нас могут забавить, нежели научить. Нам известно только то, что Брама дал им законы; время, в котором жил сей славный законодатель, столько отдалённо, что мы не дерзаем и верить, а притом хотя подлинно неизвестно, процветали ли в то время нынешние науки и доведены ли они были до такой степени совершенства, в каковом в наши дни находятся; однако как бы без них он возмог себе представить, а ещё меньше учредить касты, которые народ разделяют на четыре класса, отдалённые один от другого такими преградами, что их перейти никому не возможно. Он чрез присоединение некоторых понятий к своим законам, почерпнутых из религии, произвёл в народе к ним как к святой вещи почитание, дабы тем самым пребыли долее; их конец состоял в том, чтобы вдохнуть индейцам великую привязанность к своему Отечеству, чтобы возбудить их к преодолению неги и расслаблению всех сил, что можно приписать теплоте климата, предписывая такой им род жизни, в котором множеством обрядов богослужения и упражнений заниматься надлежит, их цель была завести в обществе землевладельцев и хороших художников, сделать граждан человеколюбивыми и щедролюбивыми, рождая в них страх к кровопролитию, а сие всё, может быть, клонилось больше к тому, чтобы учинить их больше послушными. Воин долженствовал снабжён быть крепостью и мужеством, ему потребна была пища сочнее, нежели прочим, ему кровь не долженствовала казаться чем-нибудь необыкновенным. Но сии люди были бы львы в стаде агнцев, если бы законы не вооружены были молниями небесными: и так он рассудил, что правителям народа надлежало быть и жрецами в обществе, дабы тем несомнительнее повиновение. Законов сих действие было такое, что бесчисленные перемены, которые случались множество раз сею прекрасной землёй, не могли переменить нравов индейцев. Бахус², Сезострис³, Александр и татарские завоеватели попеременно наводняли сии страны, привлекаемы будучи приятностью

и богатством климата. Уничтожили правление Браммы, но не могли вовсе его истребить. Индейцы ещё и ныне разделяются на касты, они напоены теми же самыми предрассуждениями, упражняются в тех же самых трудах, какими они прежде занимались: подобно развалинам старого строения они дают нам начертание величества государства по твёрдости обломков, оставшихся от поедającego всё времени. Если различие каст родило отвращение, каковое имеют нераздельные друг ко другу, то я думаю, что в сем случае не должно обвинять законодателя; празднества храма Жажернатова⁴ по крайней мере показывают, что его намерение не к тому клонилось. Весьма бесчеловечно в том поступлено, что некоторых каст люди осуждены к понесению всех работ и всех несчастий общественных, лишив их всея надежды переменить свою долю к претерпеванию понесённого презрения, и только возмутительные мнения утверждать религией; впрочем труды сего законодателя приняты весьма изрядно и не подозревали его в такой несправедливости, которая долженствовала быть возмутительна. Потомство включило его в число богов.

Китайцы — весьма различный народ от тех, которые посещаемы были или богами, или пророками, от которых они получали свои законы, имели счастье получить оные от отеческой власти. Первые их государи были философы, которые познали, что почтения достойнейшее право управлять народом и самое не обманчивое средство заставить его повиноваться состоит в том, чтобы сделать его благополучным. Весьма приятное есть зрелище видеть, какую сей народ государям своим даёт неограниченную власть, уверен будучи, что чрез то они взаимно будут иметь к нему отеческую любовь, видеть, говорю, взаимные должности народа и государя, основанные на добродетели, нравственности и рассудке, видеть империю их начинающуюся в первых веках света и продолжающуюся до нынешних времён. Если успехи рассудка всегда означают древность народов, то не можно спорить с китайцами. Они в глубокой древности имели превосходные познания в законодательстве, нравственности, земледелии и художествах.

Первую сию монархию утвердили они на таком основании, которое бы делало честь как греческим, так и из новейших славнейшим философам.

Сие правило, что император есть общий отец, а подданные — его дети, сие драгоценное правило, от которого рождаются все общественные и нравственные должности, все человеческие

добродетели, и соединение всех волей к общему благу семейства было уже утверждено первыми основателями империи, и когда они от онаго удалялись, то знаменитейший из граждан, видя, что состояние его не позволяет ему более делать добра, отказывается от достоинств, дабы проповедовать только добродетель, возбуждать чувство оной в сердцах своих сограждан, а наипаче в тех, которые окружают государя.

Он сообщил последовавшим ему сей небесный огонь, который его возжигал. Его учение распространялось в государстве: его мнения сделались законами, наставления – священными правилами государям и правительству, нравы – примером. Он был первый такой философ, который, отчаявшись, может быть, о спасении своего Отечества, удалился от двора, ни о чём ином не помышляя, как только, чтобы внушить некоторым своим друзьям те же чувства, которые он питал в своём сердце: быть их законодателем, переменить нравы, возобновить науки и соделать благополучие, которому нет примера. Сочинения его служат предметом созерцания всех тех, которые учёными быть желают и которые одни могут иметь права на правительство, ибо не отличающиеся своим просвещением и добродетелями не могут управлять другими. Как они могут делать добро, не зная оного? Они бы подобны были слепым, желающим водить зрячих.

Власть императора неограниченна, он удерживается только чувствами правосудия и благодеяния, которые другие...

670–550 до н. э. и в годы своего расцвета было гораздо шире границ этнической Мидии.

Ш. Л. Монтескье

Троглодиты

Печатается с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации. Воспроизведена первая страница издания 1779 г.

¹ Бочарников (Бачарников) Капитон перевел рассказы из составленной французским детским писателем А. Беркеном хрестоматии «Lectures pour les enfants, ou Choix de petits contes également propres à les amuser et à leur faire aimer la vertu» (1775 и др.). Эти переводы из произведений Вольтера, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ф. Сен-Ламбера, П.-П.-Ф. Летуэрнера, С. Геснера, Ф. Т. М. де Бакюляра д'Арно, были изданы под названием «Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель» (1779). См. об этом переводе: Васильева Е.Н. «Персидские письма» детям: к истории переводов Ш.-Л. Монтескье. // *Studia Litterarum*, т. 4, No 2, 2019, с. 128–143.

² Толстой Федор Матвеевич (1748–1789) — премьер-майор и фактический командир Преображенского полка в 1775–1780 гг., приближенный Екатерины II и ее любимый чтец.

³ *Троглодит* (др.-греч. τρογλοδίτης — «живущий в пещере») — в концепции Карла Линнея вид людей (лат. Homo troglodites), характеризующийся человеческим обликом, обильной волосатостью и неразвитой речью. Выделен на основе свидетельства древних авторов и рассказов путешественников. С появлением эволюционизма под троглодитами стали понимать предков человека, которые дожили до наших дней в отдалённых местах планеты, однако в дальнейшем существование троглодитов как подвида рода людей не подтвердилось и ими стали называть в переносном значении малокультурных людей или просто людей, живущих в пещерах.

Александр Павлов

О прямом разуме законов

<фрагмент>

Печатается по: О прямом разуме законов, пер. Александра Павлова, лейб-гвардии Измайловского полка квартирмейстера. Т. I. РНБ, Фонд 885: Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, № 42.

Печатается впервые с рукописного оригинала с сохранением орфографии и пунктуации. Для настоящего издания мы ограничились только одной главой данного перевода.

Яков Иванович Шнейдер
(1772—1839)

Российский правовед, один из первых русских юристов из университетской среды, пытавшийся ретранслировать идеи французских просветителей. Ординарный профессор Московского университета, коллежский асессор. В публичных извещениях Московского университета о лекциях на 1782–1783 академический год сказано, что лицензиат Яков Шнейдер, «теоретический искуснейший профессор», будет читать лекции по Монтескье о духе законов: для студентов на латинском, а для дворян — на французском языке, без платы. За это Московский университет включил его в число почетных профессоров (*professor honorarius*).

В 1782 году вышли лекции Шнейдера под заглавием: «Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов или уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. Рассуждение первое: о истории законодательства», на французском и русском языках.

Я. И. Шнейдер

**Рассуждения на Монтескиеву книгу о Разуме законов,
или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые
в Императорском Московском университете**

Печатается по: Шнейдер, Я. И. Рассуждения на Монтескиеву книгу о Разуме законов, или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. М.: Университетская Типография у Н. Новикова, 1782.

Печатается с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации. Воспроизведена первая страница издания 1782 г.

¹ Шнейдер был масоном и членом Дружеского учёного общества — благотворительно-просветительного общества в Москве, созданного масонами профессорами Московского университета И. Г. Шварцем и Н. И. Новиковым. Одной из основных целей общества было печатание книг, в том числе и переводных, для воспитания и образования молодежи.

² Так Шнейдер транслитерирует французское написание *Voschoris*: *Бокхорис* — фараон Древнего Египта, правивший, приблизительно, в 718–712 годах до н. э. Античная традиция представляла Бокхориса мудрым судьей и законодателем, создавшим один из самых совершенных и гуманных за-

конодательств того времени. Монтескье упоминает его вместе с Сезострисом в главе 15 кн. XX.

³ Сезострис, Сезострис (греч. Σέσωστρις) — наиболее популярное собирательное имя в египетской политической истории, встречающееся у классических писателей (также в формах Сезоосис, Сезонхосис, Сезотис, Сострис и др.) По сообщениям Геродота, Диодора Сицилийского и Страбона, Сезострису приписывали не только завоевание всей Азии, Европы до Фракии, Ассирии, Мидии, Эфиопии, Скифов, Персии, Бактрии и т. д., но также и различные законы (например, учреждение каст, распределение поземельной собственности, регулирование общественной и даже домашней жизни). Одним из прообразов Сезостриса был Сенусэрт III — фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1872–1853 годах до н. э.; из XII династии (Среднее царство). О его мудром царствовании остались многие воспоминания, впоследствии ему поклонялись как бо- жеству. Монтескье дважды упоминает его: книга XVII глава 18 и книга XX глава 15.

⁴ Шнейдер так транслитерирует французское написание Jaggernaut Джаггернаут — которое происходит от Джаганнатха (санскр. Jagannātha «владыка вселенной») — божество, культ которого наиболее распространён в индийском штате Орисса, одна из форм Вишну-Кришны. Центром культа Джаганнатхи является храм в г. Пури в Ориссе.

III. МОНТЕСКЬЕ В РОССИИ: РЕЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ И ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Митрополит Платон
(1737–1812)

Митрополит Платон (в миру — Петр Георгиевич Левшин) — придворный проповедник, законоучитель наследника императорского престола, член Святейшего синода, митрополит Московский и Коломенский с 1787 г. Кроме богословских предметов, Петр Левшин самостоятельно овладел греческим и французским языками, свободно пользовался немецким и латынью. Интересовался трудами французских энциклопедистов и терпимо относился даже к духовным исканиям масонов. Искал возможность примирить господствующую Церковь со старообрядцами путем введения единоверия — разрешения богослужений по старым (дониконовским) книгам, «составил для единоверцев правила, утвержденные Синодом в 1801 году». Автор труда «Краткая церковная российская история» — первого систематического курса русской церковной истории, в котором впервые был отражен критический подход к источникам и историческому преданию.